

УДК 82:398.2(470.4)

Т. А. Золотова

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ В КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАУСЕНЕВЫХ ПЕСЕН ПОВОЛЖЬЯ)

В статье представлены отдельные тенденции и закономерности эволюции традиционной (фольклорной) культуры Поволжья во второй половине XX века. В центре ее внимания – региональные образцы зимней календарно-обрядовой поэзии (*таусеневые песни*). Автор демонстрирует способы и механизмы их трансформации, в частности, и под влиянием свадебных величальных песен приходит к выводу об избирательности и известной органичности данного процесса. Статья написана на материале, собранном автором во время фольклорных экспедиций, а также хранящихся в архивах научных и образовательных учреждений Поволжья и опубликованных в научных сборниках текстах и описаниях.

Ключевые слова: Поволжье, традиционная культура, календарно-обрядовая поэзия, свадебная поэзия, таусеневые песни, взаимодействие.

Статья написана при поддержке гранта РГНФ «Эволюция этнических маркеров вятских северных и южных этноконтактных зон» (РГНФ, № 14-04-00077).

В календарно-обрядовых (таусеневых) песнях Поволжья обращает на себя внимание большое количество мотивов хорошо известных (причем в разных регионах) свадебных величаний, адресованных новобрачным, холостой молодежи, а также женатым родственникам и гостям. Имеются случаи и практически полного их текстуального совпадения. По нашим наблюдениям, такого рода тексты во второй половине XX века представляют собой самую значительную группу таусеневых песен. Данный факт отмечен и в исследовательской литературе [1; 2; 6; 7].

Вместе с тем можно говорить и об определенных закономерностях в отборе исполнителями таусеневых песен тех или иных сюжетных ситуаций, структурных компонентов, стиливых формул определенных групп свадебных величаний. Предположительно, место песен-просьб, соединенных с величанием хозяина (архаический «обобщенный» тип колядования), заняли в Поволжье тексты с мотивами величаний женатых родственников и гостей. В этом плане особенно интересен сюжет «*Как у кочета головушка краснехонька...*». Одновременно это и один из наиболее популярных таусеневых сюжетов в Поволжье и Средней полосе России. Известен в Нижегородской и Рязанской областях. Представлен и в издании И. И. Земцовского [5: 41: Башкирия]. В нем используются тексты величаний молодой, молодому, но чаще

женатым гостям и родственникам. Последний аспект отмечен и исполнителями. Данные песни пели обычно «у дома женатого мужчины»:

*Как у кочета головушка краснехонька,
Таусень, таусень!*

*Как у Ванюшки женёночка молоденькая,
Таусень, таусень!*

[НГУ: 44, 4, 60].

Встречаются следующие его разновидности:

А: зачин (Как у кочета...) + величание хозяйки + просьба о вознаграждении. Коррелирует с группой А₁: зачин (Как у кочета...) + похвальба мужа женой + просьба о вознаграждении;

В: зачин (Как у кочета...) + величание жены, мужа + просьба о вознаграждении;

С: зачин (возможны его варианты) + ритуальное одаривание жены (в ожидании сына). Коррелирует с группой С₁: зачин (возможны варианты) + ритуальное завязывание узелка / пояса.

Как показывает анализ вариантов сюжета, все его разновидности начинаются с величания хозяйки / жены / молодой жены. Для этого используется ряд традиционных формул:

а) усеченных (до одного значимого определения, сравнительного оборота, характеризующих ее возраст, внешность, настроение и поведение): *молодехонька* [НГУ: 43, 9, 157]; *веселехонька* [НГУ: 43, 9, 32]; *хорошехонька* [НГУ: 53, 7, 15]; *хороша, хороша, как боярышня* [НГУ: 45, 4, 146];

б) заключающих в себе возможность развертывания (например, формулы, характеризующие сметливость, разум величаемой):

исходная:

*С Ванюшенькой говорит,
Как рублем подарит...*

[НГУ: 53, 4, 79; 5, 37, 15]

развернутая:

*Перво слово скажет,
Беседу бодрит,
Второ слово скажет,
Всех взвеселит,
Третье слово –
Бояр удивит.*

[НГУ: 53, 7, 36]

Величание хозяина в группе обычно следует за величанием хозяйки и, по сравнению с последним, выглядит довольно скромным:

*Собирается Иванушка к заутрене,
Надевает чапан,
Чапан ряженный,
Коты мазаные.*

[НГУ: 45, 4, 146]

Следующий за ним мотив похвалы женой обычно представлен формулой: «У меня, братцы, жена – честь и хвала!» [НГУ: 53, 7, 36]; «У меня, братцы, жена, таусень! Честна и хвальна, таусень! И очестлива, таусень» [НГУ: 21, 33, 36] либо соединяет сообщение о рождении сына с величанием обоих супругов:

*Вечер с пиру пришла,
Себе сына родила,
Красотою в себя,
Умом-разумом
Во меня – отца.*

[НГУ: 21, 56, 33]

Завершается исполнение таусеневых песен, как правило, просьбой о вознаграждении, преимущественно денежном: «*Подавайте пяточок*» [НГУ: 53, 5, 42]. Единичные тексты содержат просьбу об угощении хлебом: «*Из горнушки вынимайте две ватрушки*» [НГУ: 44, 2, 1].

В одной из указанных выше групп вариантов разрабатываются мотивы ритуальных действий, обеспечивающих семье (дому) желаемое чадорodie: «*Уж ты, Сашенька, душа, // Ты роди-ка мне сынка*» [НГУ: 63, 7, 17]. Они заменяют просьбы «подарить чем-либо» в обмен на произнесение пожелания, обеспечивающего рождение детей:

*Подай, не ломай,
Твой сын Николай.*

[3: 1]

К таким мотивам можно отнести одаривание жены:

*Золоту гривну носил,
Душу Машеньку дарил,
Да за то ее дарил,
Чтобы сына родила –
Ясного сокола.*

[НГУ: 21, 22, 55; 21, 18, 13]

и особенно интересный с точки зрения содержащихся в нем архаических представлений – завязывание узелка:

*Он сорвал лопушок,
Завязал в узелок,
Положил во перед
И понес во терем:
– Ты роди-ка мне сынка,
Какой я у тебя.*

[НГУ: 53, 7, 17; 33, 7, 42]

Н. И. Толстой убедительно показал, что мотив завязывания узелков (опоясывания сетью, веревкой или тесьмой со значительным количеством узлов) может рассматриваться как оберег (функция «отталкивания» нечистой силы); а семантически соотносится с кругом так называемых «неисчислимых» предметов (песок, маковое и льняное семя, хвойные иголки и т. п.) как «моментов плодородия (чадорodie), брака» [9, с. 239]. С другой стороны, интересны многочисленные свидетельства о необходимости развязывания узлов в процессе родов [2]. Особо выделена данная группа (С, С₁) и в сознании исполнителей. Так, например, А. Л. Пискунова (1902 г. р., Дивеевский район Нижегородской области) отмечала, что подобные песни адресовались только беременным женщинам.

Совокупность вышеназванных фактов (преимущественное внимание к молодой хозяйке, характер ее величания, просьбы «дарить» в обмен на пожелание чадорodie, коррелирующие с ними мотивы завязывания узелка, пояса) должны были обеспечить крепость союза молодых, появление здорового потомства.

Соответственно, перед домами, где жили молодые люди, звучали песни с мотивами и образами величальных песен, адресованных новобрачным и холостой молодежи («дифференцированный» тип колядования). В качестве примера приведем сюжет «*В бору ягодка росла, / Земляничка красна...*». Он зафиксирован на территории Нижегородской, Ульяновской областей, Татарстане. Имеют место и публикации в классических изданиях обрядовой поэзии [5: 37: Уфимская губерния; 40: Пензенская губерния; 42: Рязанская губерния].

Бытует в двух основных разновидностях:

А: зачин (В бору ягодка...) + просьба девицы разрешить погулять в саду + уговоры соловья + просьба о вознаграждении;

В: зачин (В бору ягодка...) + величание девицы + просьба о вознаграждении; коррелирует с В I, в котором видоизменена формула величания (причем величается как девица, так и парень) и отсутствует просьба о вознаграждении.

Группа «А» преимущественно представлена в Нижегородской области. Отдельные варианты записаны в Пензенской, Рязанской, Ульяновской областях. Традиционной устойчивостью в текстах данной группы отличается зачин: «*В бору ягодка росла, // Земляничка красна...*», который по принципу художественного уподобления перерастает либо в формулу: «*Не ягодка красна – девица*», либо вопрос: «*Почему она красна?*». Далее следует просьба девицы, обращенная к матери, отпустить ее «*в зелен сад гулять, соловьев послушать*». Уговаривает девушку либо мать: «*Соловей – птишка обманчива*», либо сам соловей: «*Соловей – птишка речист!*». Мотивировки персонажей различны: мать предостерегает девушку: «*Унесут, увезут / На чужую сторону, // К чужому отцу, матери*»; соловей сулит счастье, «*переманивает*».

Необходимо отметить, что формулы «сад с соловьем» («*Уж как в том саде-садице соловей громко поёт*», «*На моем ли сладком вишенье млад соловушка поет*»), его уговоры («*полетим в темный / сырой / дремучий / зеленый сад / бор; совьем тепло гнездышко; выведем детенышей*») широко распространены в лирическом «универсуме» Поволжья и заключают в себе, как правило, негативную оценку ситуации («*Соловей подговаривает, все обманывает*»). Известны случаи контаминации лирических сюжетов с участием данных формул и собственно исторических («*Казань-город*»). Возможность их объединения сопряжена с глубинной семантикой (безрадостная жизнь на чужой стороне: «*против гнездышка соловьиного <... > солучается тут мне смерть скорая*») [4, с. 3–12]. В контексте святочной обрядности (причем на позднем её этапе) происходит семантическая инверсия данных формул: исполнение подобных песенок предрекало удачное и скорое замужество.

Завершаются сюжеты группы А обращением к хозяйке: «*Не пора ли Усенюшкой дарить?*». При этом «*усенюшкой*» в текстах является «*Не рубль, не полтина, а золотая гривна*» (типичная формула свадебных величаний), и только в одном

тексте она приобретает собственно святочный характер:

*Если курника отлотишь –
От двора ты нас отгонишь.
Неси, не трясси,
Подавай, не ломай.*

[НГУ: 5, 4, 103]

О приуроченности текстов группы А к собственно таусеневым свидетельствует используемый в них рефрен *таусень / таусень-то-та / таузи / тауси*. Обычно он повторяется через каждые две стихотворные строки [НГУ: 3, 1, 169; 24, 4, 13; 45, 8, 65 и др.; Земцовский 1970, 38, 46]; реже образует кольцевое обрамление [5: 42], упоминается в конце [НГУ: 21, 33, 34; 21, 33, 23]. На отнесении подобных песен к группе новогодних, «именно усенек», настаивали и исполнители: «*Эту усеньку пели под Новый год. Сейчас поют редко*» (Елисеева К. М., 1925 г. р., Арзамасский район Нижегородской области); «*Усеньки пели накануне Нового года, когда человек 5–6 ходили по домам*» (Е. С. Абрамова, 1915 г. р., Арзамасский район Нижегородской обл.); «*Пели девки на святки, без гармоник, хором*» (А. И. Александрова, 1913 г. р., Арзамасский район Нижегородской обл.); «*святочными усеньками*» называла подобные песни и Ф. Д. Соколова (1913 г. р. Семановский район Нижегородской обл.).

Группа В менее популярна и представлена отдельными вариантами из Нижегородской, Пензенской и Ульяновской областей. Это типичный образец приспособления хорошо известной в Поволжье свадебной величальной песни к традиции новогоднего обхода домов молодежью (практически все варианты сопровождаются комментариями исполнителей, в которых отмечается, что пели песни данной группы под Новый год). Тексты построены по принципу художественного параллелизма:

*В бору ягодка росла,
Земляничка красна.
Почему она красна?
Во сыром бору росла.
Во сыром бору
Всё под сосенкою.
Всё под сосенкою,
Под кудрявенькою.
Свет-то наша умна,
Анатольева разумна.
Почему она умна?
Свет у матушки росла.
У матушки во дому,
У батюшки в терему.*

[УГПИ: 3, 1, 169]

В заключение приводится обращение к хозяину, соединенное с просьбой «дарить-жаловать»: «полтиною», «золотою гривною», но и «пашенным пирогом» и даже (!) «свиною ногой» [УГПИ: 3, 1, 169; 3, 1, 175].

Рефрен *таусень / таузи / тауси* повторяется через каждые две стихотворные строки [УГПИ: 3, 1, 169; 3, 1, 175; 3, 4, 5; 3, 1, 126; ПКП, 37, 39].

Величальные формулы группы текстов В также заимствованы из свадебной лирики. С ними обращались как к холостым парням, так и к девушкам:

*Про тея песню поем,
Про тея честь воздаём.
Как в сени-то взойдешь,
Вроде гром загремит.
Как в избу-то взойдешь,
Вроде свечка горит.*

[НГУ: 45, 5, 61; 45, 5, 60;
41, 49, 32; 45, 6, 85]

Во всех локальных традициях отсутствуют просьбы о вознаграждении. Но в каждом из зафиксированных текстов (в том или ином выражении) обязательно присутствует рефрен «таусень».

В таусеневых песнях Поволжья встречаются и формулы, на глубинном уровне связанные с обрядом перехода персонажа из одного состояния в другое (повышение статуса). К ним можно отнести мотив всадника на коне, действия с волосами (расчесывание кудрей и приданием им определенного «вида», заплетание косы, украшение ее золотом и жемчугом, мотив гребня и птичьих перьев), воспроизведение «спрессованных житий культурных растений, использование так называемых «неисчислимых» предметов и др. Так, например, мотив всадника на коне, богатырской / молодецкой поездки на коне встречается в широко распространенных в Поволжье вариантах сюжета «*Не летай-ко ты, сокол...*»:

*Таусень! Тута холост, не женат,
Таусень! А он щегольно ходил,
Таусень! Он манерно выступал,
Таусень! Чулок белый не марал,
Таусень! Сапог черный не ломал,
Таусень! На добра коня садился.
Таусень! А как конь-то голову клонит,
Таусень! Под конем-то земля стонет.*

[3: 5]

Данный мотив, на наш взгляд, вполне органичен для святочной обрядности, и появление его в текстах, исполнявшихся под Новый год, закономерно. Так, широко известные как в славянском, так и финно-угорском мире обычаи появления девушки на коне (символ Нового года

у мордвы), ряженья конем («строение» лошади у мордвы), специальные моления в честь лошадей (алашань озкс – у мордвы), изготовление ритуальных «кривулек» и связанные с ними названия обрядового печенья должны были обеспечить обилие и плодородие в будущем году.

В свою очередь действия с волосами (расчесывание кудрей и приданием им определенного «вида», заплетание косы, украшение ее золотом и жемчугом, мотив гребня и птичьих перьев) представлены в сюжетах «Как у месяца крутые рога ...», «Косу русую плела ...», «Летела пава, роняла перья...» и др.

В первом из них главное внимание уделяется описанию кудрей молодца. Как правило, оно встречается в двух видах:

а) *Кудри русые
По плечам лежат,
Словно жар горят.*

[НГУ: 21, 22, 54 и др.]

б) *Завивались кудри в 3 ряда:
Как первый-то ряд – по плечам лежат,
Как второй-то ряд – с плеч долой валят,
Как третий-то ряд – словно жар горят.*

[НГУ: 46, 1, 85 и др.]

При этом в отдельных вариантах кудри даже «жемчугом перенизаны, серебром пересыпаны» [МГУ: 1986, 1, 87]. Формула описания кудрей органично переходит в формулу сватовства / жемчужбы: кудри хотят «развиться, разориться // Красну девушку брать» [НГУ: 44, 6, 11], «Словно жар горят, // Жениться велят» [НГУ: 41, 44, 13; 44, 4, 41; 41, 44, 13].

В приведенных вариантах, таким образом, используется как «общая семантика волос <...> воплощение идей жизни, судьбы» [1, с. 218]; так и действия с волосами как указание, во-первых, на особое (переходное) состояние персонажа [1, с. 218], во-вторых, на связь с культом Волоса – богатством, обилием, плодородием [10, с. 56 и далее]. Не случайно в текстах данных групп, наряду со свадебными величаниями и собственно свадебными формами вознаграждений, появляются и пожелания материального достатка и благополучия.

Аналогичное положение среди таусеневых сюжетов Поволжья занимают и тексты, объединенные мотивом «заплетания косы». В них формула заплетания косы девушкой соединяется с традиционно устойчивым обращением к ней (косе):

*Ты расти, расти, коса,
До шелкова пояса.
Косник до пят,
Жених догляд.*

[3: 2]

При этом две последние строки могут видоизменяться:

*Как на ноне-то косник,
А на лето – волосник.*

[3: 1].

Особенно интересны тексты из Владимирской и Ульяновской областей. Они начинаются с формулы огня: «За рекой огни горят» [5: 46]; «За ба-тюшкиным двором огонек горит» [УГПИ:1, 686]. Он освещает девушку, сидящую на скамье и плетущую косу. Новым в данных вариантах является описание самого процесса заплетания косы:

*Косу русу плетет,
Шелком перевивает,
Златом, серебром
Пересыпает.*

[5: 46]

*Русу косоньку плетет,
Алу ленту вязывает.*

[УГПИ: 1, 168]

По мнению А. К. Байбурина, особое значение заплетание косы (увивание шелком, пересыпание серебром, золотом) может рассматриваться «не столько (точнее, не только) как очередная операция по созданию новой прически, сколько как основное действие по уничтожению прежней – девичьей <...>. В последний раз девичья коса заплеталась так, чтобы ее “невозможно” было расплести» [1, с. 220]. Не случайно данные тексты адресовались только молодым девушкам и предрекали таким образом скорое замужество.

К названным выше семантическим рядам, связанным с волосами, может добавляться брачный подтекст. Он обусловлен семантикой гребня, «который является <...> точкой пересечения прядения и ухода за волосами» [1, с. 220]. С данным аспектом и связано появление формул-благопожеланий, обеспечивающих рождение детей:

*А ты, бабушка, подай,
Ты, Варварушка, подай.
Подавай, не ломай,
Будет сын Николай,
Отломи немножко –
Будет Ерошка.*

Большой интерес представляет и группа вариантов, объединенных мотивом летящей (сидящей на дереве) павы (тетери) и роняющей перья. Они известны в Ульяновской, Рязанской областях, Татарстане. Варианты из Саратовской (№ 75) и Пензенской (№ 78) губерний опубликованы в собрании И. И. Земцовского.

Подобная сюжетная ситуация уже привлекала внимание исследователей. Так, Л. Н. Виноградова

считает ее одной из наиболее устойчивых в украинско-белорусском колядном репертуаре. В данной традиции она фигурирует в следующей комбинации мотивов: а) павя роняет перья, девушка собирает, вьет венок и надевает его; б) ветер заносит венок в Дунай, девушка просит рыбаков выловить его и обещает награду [2, с. 40]. В Поволжье выработана собственная, оригинальная версия данного сюжета:

– закличка (чаще всего «таусеня»); в одном варианте упоминаются одновременно «таусень» и «коляда» – [УГПИ: 6, 4, 72]; в двух – «коляда» – [УГПИ: 10, 4, 109; 6, 4, 438];

– формула «павы»: «Летела павя через сине море, // Чисто поле, // Роняла перья» [УГПИ: 6, 4, 91; МГУ: 1986, 8, 60; 6, 53, 78, 127, 179]; в одном варианте – «Летела павя // Через три амбара, // Перышки роняла» [УГПИ: 10, 4, 312];

– и, наконец, одна из самых устойчивых формул: перья собирает молодец, дарит их «шурьям»: «Шурьев дарити, / Шурья-то спесивы, / С коней не слезают, / Шапок не ломают» [УГПИ: 4, 6, 91; 10, 4, 312; 4, 4, 390; 5, 4, 4].

Завершаются тексты, как правило, просьбой об угощении; называются «пышки», «лепешки» и «свиные ножки».

Символическое значение мотива «павьих перьев» также оговорено исследователями; оно соотносится со свадьбой, «так как птичьими перьями было принято украшать свадебное деревце и венок невесты» [2, с. 45]. Закономерной в поволжских вариантах выглядит, таким образом, и передача их «спесивым шурьям» (братьям невесты).

Один из распространенных таусеневых сюжетов в Поволжье стал и «Посею я маку...». Практически все варианты его имеют сходное развитие. Начальная формула «Посею я маку...» влечет за собой вопрос «Кому мак полоть?» Как правило, этим персонажем оказывается «сестричка». Следует своеобразное ее величание:

*Она девочка умнехонька,
Полет мак чистехонько:
Маковинку не сорвет,
Через тын не бросит,
Ножкой не затопчет,
Песком не засыплет.*

[НГУ: 45, 10, 15]

Завершаются тексты просьбой: «Таусень подайте!» [НГУ: 45, 10, 15]. Можно предположить, что данные тексты представляют собой усеченный вариант «жития» мака (две его стадии: сев и прополка). В известных на территории России и Украины народных играх «Мак» названы и его

цветение, и собственно созревание; правда, текстуальных совпадений таусеневых и сопровождающих игры песен нами не обнаружено. По мнению Н. И. Толстого, «мотив “житья” культурных растений, их перевоплощений и страданий <...>, по народным представлениям, приобретает магический характер и служит отгонным апотропеическим средством от различных напастей – мора, чумы, засухи и т. д.» [8, цит. по: 9, с. 25]. Так, например, пением песен-заговоров, описывающих муки и страдания пшеницы (вост. Сербия) можно было разогнать градовые тучи; рассказ об обработке конопли (Закарпатье) мог предотвратить распространение опухоли на руке и ноге и др. [9, с. 226]. В личном архиве автора работы имеются многочисленные рассказы (РМЭ) о том, что «вогненного» (летающего огненного змея) можно остановить, рассыпав вокруг дома его избранницы мак и т. п. Кроме того, мак справедливо рассматривается исследователями и в ряду «неисчислимых» предметов (песок, семена льна, хвойные иголки и др.), заключающих в себе семантику плодородия (чадородия) и брака.

Итак, появление величальных мотивов в составе святочной обрядности объясняется в науке по-разному: 1) как перерождение обряда; 2) как факт существования в славянской традиционной культуре развитого ритуала величания и соответственное отражение его в разных областях семейного и календарного фольклора; 3) наконец, как «притягивание» разных жанров обрядового и необрядового фольклора в святочный календарный цикл, но не в связи с его распадом и перерождением, а в стремлении сохранить и разнообразить. Приведенные в нашей статье факты свидетельствуют об органичности данных текстов обрядам обходов домов, а если и о компиляции их (в смысле мотивов и образов), то обусловленной законами традиционной культуры.

Условные сокращения, принятые в статье для обозначения архивов:

фольклорный архив Московского университета (МГУ) – на первом месте год записи, далее № тетради и № текста;

фольклорный архив Нижегородского университета (НГУ) – на первом месте № коллекции, далее № единицы хранения и № текста;

фольклорный архив Ульяновского госпединститута (УГПИ) – № фонда, № описи, № текста (аналогично и другие вузы).

1. *Байбури́н А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. Л.: Наука, 1993. 240 с.

2. *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М.: Наука, 1982. 256 с.

3. *Гилярова Н. Н.* Новогодние поздравительные песни рязанской области. М.: Советский композитор, 1995. 44 с.

4. *Золотова Т. А., Мельчанова С. К.* Традиционные формулы в системе фольклорного необрядового текста // Анализ художественного текста / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1991. С. 3–12.

5. Поэзия крестьянских праздников / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И. И. Земцовского. Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1970.

6. *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. Л.: Ленинградский университет, 1963. 143 с.

7. *Розов А. Н.* Песни русских зимних календарных праздников: Проблемы классификации колядок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Т. 1–2. Л., 1978.

8. *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Жизни магический круг // Сборник статей к 70-летию Ю. М. Лотмана. Тарту: Тартуский госуниверситет, 1992. С. 130–141.

9. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

10. *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культ Николая Мирликийского. М.: Московский госуниверситет, 1982. 246 с.

1. *Baiburin A. K.* Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavjanskikh obryadov, L.: Nauka, 1993, 240 p.

2. *Vinogradova L. N.* Zimnyaya kalendarnaya poeziya zapadnykh i vostochnykh slavyan. Genezis i tipologiya kolyadovaniya, M.: Nauka, 1982, 256 p.

3. *Gilyarova N. N.* Novogodnie pozdravitel'nye pesni ryzanskoi oblasti, M.: Sovetskii kompozitor, 1995, 44 p.

4. *Poeziya krest'yanskikh prazdnikov, vstup. st., sost., podgot. teksta i primech. I. I. Zemtsovskogo, Biblioteka poeta, L.: Sovetskii pisatel', 1970.*

5. *Zolotova T. A., Mel'chanova S. K.* Traditsionnye formuly v sisteme fol'klornogo neobryadovogo teksta, Analiz khudozhestvennogo teksta, Mar. gos. un-t, Ioshkar-Ola, 1991, pp. 3–12.

6. *Propp V. Ya.* Russkie agrarnye prazdniki: Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya, L.: Leningradskii universitet, 1963, 143 p.

7. *Rozov A. N.* Pesni russkikh zimnikh kalendarnykh prazdnikov: Problemy klassifikatsii kolyadok: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, t. 1–2, L., 1978.

8. *Tolstoi N. I., Tolstaya S. M.* Zhizni magicheskii krug, Sbornik statei k 70-letiyu Yu. M. Lotmana, Tartu: Tartuskii gosuniversitet, 1992, pp. 130–141.

9. Tolstoy N. I. Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike, M.: Indrik, 1995, 512 p.

10. Uspenskii B. A. Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei. Relikty yazychestva v vostochnoslavyanskom kul'tk Nikolaya Mirlikiiskogo, M.: Moskovskii gosuniversitet, 1982, 246 p.

UDK 82:398.2(470.4)

T. A. Zolotova

Mari State University, Yoshkar-Ola

**EVOLUTION OF VERBAL MARKERS IN CALENDAR AND RITUAL LYRICS
(ON THE MATERIAL OF 'TAUSENEVYE' SONGS OF THE VOLGA REGION)**

The article introduces separate tendencies of evolution of traditional (folklore) culture of the Volga region in the second half of the 20-th century. Main attention is paid to regional examples of winter calendar and ritual lyrics ('tausenevye' songs). The author shows ways and mechanisms of their transformation under the influence of wedding 'velichalnye' songs and comes to the conclusion about selectivity and appropriateness of the process. The article is made on the material collected by the author during folklore expeditions and/or kept in archives of scientific and educational institutions of the Volga region and published in scholarly collections of texts and descriptions.

Keywords: Volga region, traditional culture, calendar and ritual lyrics, wedding poetry, tausenevye songs, interaction.